

остаётся самой частотной частью речи, реализующей приём персонификации в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. - М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
3. Гончарова Е.А. Интерпретация текста. Немецкий язык: Учеб. пособие / Е.А. Гончарова, И.П. Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 368 с.
4. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. - М., 1969. – 183 с.
5. Кодухов В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке.– Л.: Учпедгиз, 1957. – 86 с.
6. Константинова С.К. Семантика олицетворения. - Курск: Изд-во КГПУ, 1997. – 112 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: ГУПИ, 1956. – 500 с.
8. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике: В 4-х т. – М.: Просвещение, 1968. – Т. 3. – 551с.
9. Распопов И.П., Ломов А. Е. Основы русской грамматики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 352 с.
10. Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 52-56.
11. Свиридова Е.И. Бытийная лексика в художественном тексте // Функциональная семантика слова. – Свердловск, 1992. – С. 53-59.
12. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5-80.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
14. Штриттматтер Е. Оле Бинкоп: Роман. – М.: Прогресс, 1980. – 422 с.
15. Borchert W. Das Gesamtwerk. – Rowohlt Taschenbuch Verlag, Reinbek bei Hamburg, 2009. – 570 s.
16. Kishon E. Nicht so laut vor Jericho. Neue Satire. Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1980. – 154 s.
17. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. – Moskau, 1975. – 316 s.
18. Schendels E. Deutsche Grammatik. – Moskau, 1988. – 302 s.
19. Strittmatter E. Der Laden. Т. 1. – Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, 1994. – 536 s.
20. Strittmatter E. Der Laden. Т. 2. – Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, 1994. – 536 s.

УДК 811.161.1/351.32/12/22

Ханбалаева С.Н.
 Московский институт
 экономических преобразований

**ЕДИНИЦЫ АДВЕРБИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ДАГЕСТАНСКИХ
 ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ТАКСИСА***

Аннотация. В описаниях дагестанских языков грамматические средства выражения таксисных отношений оставались вне поля зрения, поскольку их исследование во многом шло в русле традиционной русской грамматической теории. Между тем в дагестанских языках, в том числе лезгинском, даргинском, аварском, имеются специальные глагольные формы таксисного содержания, описание которых в существующих терминах оказывается не вполне адекватным.

Ключевые слова: таксисные отношения, деепричастие, единицы адвербиальной семантики, конверб, дагестанские языки.

S. Khanbalaeva
 Moscow Institute of Economic Transformations
 UNITS OF ADVERBIAL SEMANTICS OF
 THE DAGESTAN LANGUAGES IN THE LIGHT
 OF THE TAXIS THEORY

* © Ханбалаева С.Н.

Abstract. In the description of the Dagestan languages grammatical means of expressing taxis relations used to be out of the vision field as the most part of their research was carried out according to the traditional Russian grammatical theory. Meanwhile there are some special verb forms with taxis semantics in the Dagestan languages (Lezgin, Dargin, Avar). Their description in modern terms has proved not quite acceptable.

Key words: taxis relations, adverbial participle, units of adverbial semantics, converb, the Dagestan languages.

Большой интерес представляют наблюдения над единицами, которые традиционно рассматриваются как деепричастия. Адвербиальные формы для глагола дагестанских языков можно выделять с большим основанием. Например, показатель деепричастия HCB -з лезгинского языка – морфема семантическая, в отличие от реляционных

аффиксов *-й* и *-р*, оформляющих адъективные формы. В даргинском и аварском языках в аналогичной позиции выступают классные показатели в роли чисто синтаксических, согласовательных морфем. Семантической является и морфема аориста *-на*. Лезгинский аорист, совпадающий с аористом даргинского и аварского языков, обозначает действие как факт, предшествовавший моменту речи, без актуализации аспектуальных признаков целостности/нецелостности, предельности/непредельности и т. п. Формы СВ дагестанских языков, в отличие от русских, не выражают достигнутого предела. Значение предшествования создаётся в форме аориста не аспектуальным значением завершённости или предельности (эти значения у неё отсутствуют), а сочетанием обозначения факта с семантикой аффикса *-на*, связанного по значению с союзной частицей *-ни* “и”. Поэтому пример *фена лагъана* следует переводить не как ‘сходя, сказал’. Так традиционно его и переводят, называя ту же самую форму аориста (“простого прошедшего”) одновременно и деепричастием СВ. Следует учесть, что переводя эту форму русским деепричастием СВ на основе частичного совпадения функций, мы тем самым переносим на аорист и семантическую структуру русского деепричастия СВ. Точнее эта форма переводится как ‘пошёл/сходил (и) сказал’.

Таким образом, рассмотренные трактовки единиц лезгинского языка, используемых для выражения таксисных отношений, свидетельствуют о том, что исследователи вновь и вновь возвращаются к поискам удовлетворительной интерпретации, адекватно отражающей их грамматическую природу. В то же время свойства обсуждаемых единиц дают достаточные основания считать, что у лезгинского глагола есть специальные формы для выражения таксисных отношений. По имеющимся описаниям можно предположить, что эти единицы представляют собой систему противопоставленных друг другу форм таксисного содержания, то есть морфологическую грамматическую категорию таксиса. Однако эта категория в целостном виде не была осмыслена даже в традиционных терминах *деепричастий* или *форм временного подчинения*. Во-первых, формальное устройство и содержание уже зафиксированных в литературе форм установлено лишь приблизительно и на очень ограниченном числе языковых примеров. Во-вторых, разные авторы рассматривают разное число форм, причём не всегда верно интерпретированных, и обозначают их разными терминами. И, в-треть-

их, существующими описаниями охвачены не все единицы, предназначенные для выражения таксисных отношений. И самое главное, они не рассматриваются как целостная система, как грамматическая категория со своим содержанием и формами его выражения.

Обратим внимание ещё на одно обстоятельство. Как отмечалось выше, временные отношения между действиями всегда включают те или иные аспектуальные характеристики соотносимых действий. Это значит, что для адекватного описания таксисных отношений в языке необходимо иметь представление о выражаемых его глагольными формами видовых значениях (разумеется, если в языке вид имеется). Между тем до недавнего времени считалось, что в лезгинском и аварском языках отсутствует категория вида. В работах К.Р. Керимова [2008], З.М. Маллаевой [1998] и др. эксплицированы словоизменительные грамматические категории вида в этих языках. Это создаёт предпосылки и для адекватного осмысления таксисных форм глагола в них.

Таким образом, обсуждаемые единицы описывались в существующей литературе как деепричастия или временные формы. Между тем эти формы, во-первых, могут иметь в своём составе одновременно и аффиксы абсолютного и относительного времени (*кса-на* (аор.) ‘спал/поспал/лёг спать’ > *кса-н(а)-ва* (перф.) ‘спит’ > *кса-н(а)-ва-й* (плюсквамперф.) ‘спал’), и аффиксы таксисного отношения (> *кса-н(а)-ва-й-ла* ‘в то время, когда спал’). Первые сближают их с временными формами, вторые – с деепричастиями. Во-вторых, ряд авторов подвергает сомнению само наличие в этих языках деепричастий как класса глагольных словоформ с адвербиальным категориальным значением. Даже так называемое *деепричастие НСВ* на *-з* лезгинского языка (или *целевая форма, абсолютив*), которое большинством авторов рассматривается именно как деепричастие, в изолированном виде не воспринимается как словоформа с качественно-действенным содержанием. Например: *кIелиз* – это не ‘читая’, а ‘читать/чтобы читать’. А русское деепричастие *читая* и в изолированном виде воспринимается как “гибридная наречно-глагольная” (В.В. Виноградов) словоформа обстоятельственного содержания.

При всём том возможно и описание таксисных форм как деепричастий, если иметь в виду их функциональное сходство, а также то, что деепричастия в разных языках могут быть разными. Например, в работе В.П. Недеялкова и Т.А. Отаиной [2001, 297-298] для нивхского языка

признаком, достаточным для определения деепричастия, принимается его неспособность быть самостоятельным сказуемым, и выделяется около трёх десятков различных деепричастий. Но в нивхском языке нет причастий и инфинитива, а деепричастие не имеет форм времени [там же, 298]. В лезгинском же языке аффиксы таксисного содержания присоединяются к причастиям, масдарам, финитным временным формам, а наличие собственно деепричастий подвергается сомнению, поэтому для обозначения форм таксисного содержания дагестанских языков предпочтительнее иной термин. Мы предпочли для этого термин *конверб*, используемый В.П. Недялковым [1999].

Единицы таксисного содержания даргинского языка также традиционно описывались в терминах деепричастий, и как система однородных значений осмыслены не были. На самом деле, так называемые деепричастия даргинского языка – основное средство выражения собственно таксисных отношений. Деепричастие способно выполнять следующие синтаксические функции: 1) обстоятельства в простом предложении; 2) второстепенного сказуемого; 3) сказуемого придаточного предложения. Последняя функция, по мнению В.П. Недялкова, предполагает, что у деепричастия возможен свой субъект, то есть особый член предложения, являющийся трансформом подлежащего при преобразовании предложения в деепричастный оборот. Функция этих деепричастий аналогична функции подчинительных союзов европейских языков [1999, 37], то есть отмечается семантическая идентичность между деепричастными конструкциями и союзными придаточными предложениями.

Связи показателей предшествования, следования, одновременности одного действия другому с формантами местных падежей отмечаются и исследователями аварского языка. Так, А.А. Бокарев пишет, что отношение сказуемого придаточного предложения времени к сказуемому главного предложения выражает в большинстве случаев аффикс местного падежа I серии [1949, 264-266]. Он полагает, что деепричастие может относиться к тому же подлежащему, что и глав-

ное сказуемое, но может иметь свою собственную предикативную связь, не сливающуюся с предикативной связью главного предложения. В обоих случаях одиночное деепричастие или ряд однородных деепричастий в сочетании с главным сказуемым выражают цепь последовательных событий: (1) *Кунила ас пачахIасухъе, кисиниса* (2) *бахъун, меседил хIули* '(1) Дал он царю, (2) **вынув** из-за пазухи, золотой пух'.

Морфологическое выражение таксисных отношений в аварском языке отмечает З.М. Маллаева [1998, 125]. Аварский язык, пишет она, «располагает рядом отглагольных словоформ, выражающих одновременно действие и различные оттенки временной ориентации». Отношения одновременности, предшествования, следования обстоятельственных конструкций рассматриваются и в работе Б.М. Атаева [1997]. Обзор разрозненных наблюдений, содержащихся в работах по аварскому языку, показывает, что его глагол имеет специальные формы для выражения таксисных отношений, и эти формы представляют собой целостную систему – грамматическую категорию таксиса.

В целом же можно отметить, что формы таксисного содержания дагестанских языков до последнего времени рассматривались в основном в работах по синтаксису, а также при интерпретации единиц, трактуемых как деепричастия. Как целостная и самостоятельная семантическая сфера средства выражения таксисных отношений не воспринимались ни в том, ни в другом случае.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Керимов, К.Р. Отношения разновременности в конструкциях зависимого таксиса русского и лезгинского языков // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. 11. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. – С. 36-43.
2. Маллаева, З.М. Видо-временная система аварского языка. – Махачкала: Бари, 1998.
3. Недялков, В.П., Отаина, Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // ТФГ. М., 2001.
4. Недялков, В.П. Основные типы деепричастий // Типология и грамматика. – М., 1999. С. 36-59.
5. Бокарев, А.А. Синтаксис аварского языка. – М., 1949.
6. Атаев, Б.М., Алексеев, М.Е. Аварский язык. – М.: Academia, 1997.